

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В УСТАНОВЛЕНИИ ВЛАСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ В СИНЬЦЗЯНЕ

После разгрома и капитуляции в сентябре 1945 года милитаристской Японии, в Китае с новой силой разгорелась гражданская война. Противоборствующие силы, возглавляемые с одной стороны Гоминьданом, а с другой Коммунистической партией Китая, опирались в своей борьбе и пользовались всесторонней поддержкой соответственно Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Однако в конце 1948 года положение сил Гоминьдана, возглавляемых президентом республики Китай, генералиссимусом Чан Кайши, стало по сути критическим. В докладе посольства США государственному департаменту от 9 ноября 1948 года американские дипломаты посчитали своим долгом совершенно откровенно заявить своему руководству, что «... никакая военная помощь, за исключением фактического использования войск Соединённых Штатов, не спасёт сильно ухудшившегося положения (войск Гоминьдана – В. Б.)». Считаясь с тем, что использование войск Соединённых Штатов является невозможным, авторы доклада пришли к выводу, что не существует такой военной меры, которую Китай или Соединённые Штаты могли бы предпринять своевременно, чтобы спасти военное положение [1].

Всё более осознаваемая большинством политиков, как в самом Китае, так и за его пределами, неизбежность поражения гоминьдановского режима ставила на повестку дня вопрос дальнейшей судьбы этой огромной страны, стратегического курса тех сил, которые придут в ней к руководству. Вполне понятно, что эти вопросы волновали и советское руководство. Среди проблем, которые должны были решаться между двумя государствами после смены политической власти, важное место занимал вопрос о Синьцзяне, где традиционно сильно было экономическое влияние СССР, а также судьба национально-освободительного движения населявших эту провинцию народов. В ноябре 1944 года на территории трех северо-западных округов Синьцзяна: Илийского, Алтайского и Тарбагатайского началось мощное антикитайское национально освободительное движение проживавшего здесь населения. В результате к осени 1945 года повстанцы при материальной и военно-технической помощи СССР изгнали с территории этих округов китайские войска и создали независимую Восточно-Туркестанскую республику. Формально, по соглашению между повстанцами и китайскими властями о создании коалиционного правительства провинции заключенному в январе 1945 года, ВТР должна была прекратить свое существование еще в июне 1946 года. Однако фактически республика продолжала существовать, сохраняя все атрибуты независимого государственного образования, в том числе и боеспособную армию.

Национально-освободительная армия Китая по планам КПК должна была освободить провинцию от гоминьдановских войск только в 1950 году. В то же время внутривластная ситуация в провинции и наличие мощной поддержки действиям НОАК, в случае её вступления на территорию Синьцзяна, в лице национальной армии трёх освобождённых районов позволяло ускорить реализацию военных планов. Вместе с тем КПК до 1949 года никак не озвучивала своего отношения к национально-освободительному движению в Синьцзяне и не предпринимала каких-либо действий для установления связей с ним.

С другой стороны, лидеры освобождённых округов, выразив, не без очевидного давления со стороны СССР, стремление внести вклад в китайскую революцию, не могли объяснить населению, которое за ними стояло, какая судьба ожидает народы Синьцзяна, если к власти в Китае придут коммунисты. На партийных форумах КПК и Всекитайских съездах советов, прошедших в 20-х – начале 40-х годов, по национальному вопросу были приняты достаточно многообещающие решения. Так, в статье 14 Временной конституции Китайской советской республики, принятой в январе 1934 года на II Всекитайском съезде Советов, было записано:

«Советская власть в Китае провозглашает национальную свободу всех малых народов и национальных меньшинств в Китае, признаёт право самоопределения малых народов вплоть до государственного отделения от Китая и создания собственных государств. Например, монголы, *хуэйские народы (мусульмане)* (курсив мой – В.Б.) тибетцы, мяо, ли, корейцы и т. д. имеют полное право на самоопределение....» [2]. Однако уже к концу 30-х – началу 40-х годов КПК начала исключать из своих документов принцип национального самоопределения, заменяя его концепцией районно-национальной автономии [3]. И хотя на прошедшем в апреле 1945 года VII съезде КПК в своём политическом докладе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэдун вновь подтвердил, что после победы революции всем национальным меньшинствам будет предоставлено право на самоопределение, а государство по своему устройству будет федеративным [4], руководители КПК, включая самого Мао Цзэдуна, скорее всего, слабо представляли глубину и значение для Китая проблем, связанных с национальным вопросом, и рассматривали решения, принимаемые в этой области, скорее как декларативные, нежели как руководство к действию [5]. В этом смысле их позиции представлялись даже более слабыми, нежели у Гоминьдана [6]. О событиях в Синьцзяне они также имели самое смутное представление, поскольку не имели с провинцией и освобождёнными округами устойчивой связи.

В начале 1949 года Чан Кайши предпринял, вероятно, последнюю попытку найти мирное решение гражданского противостояния в Китае. 8 января 1949 года руководство Китая направило Соединённым Штатам Америки, Англии, Франции и Советскому Союзу ноты, в которых просило их выступить посредниками в мирных переговорах между правительством страны и Китайской коммунистической партией [7]. Однако в своём ответе на эту ноту, врученном китайскому послу Фу Бинчану 18 января, советское правительство, ссылаясь на свой «неизменный принцип невмешательства во внутренние дела других стран», отказалось от роли посредника [8]. Вслед за СССР от посредничества в переговорах отказались и остальные государства.

Отказав даже в минимальном дипломатическом содействии Чан Кайши, советское правительство сосредоточило свои усилия на расширении и углублении связей с КПК, которая уже, без сомнения, рассматривалась в Москве как руководящая сила нового Китая. Для обсуждения накопившихся проблем и перспектив сотрудничества Советского Союза и Китая, после прихода коммунистов к власти в этой стране, на встречу с руководителями КПК в начале 1949 года вылетел А.И. Микоян.

Миссия Микояна, проходившая с 30 января по 8 февраля, была строго секретной и содержание переговоров, которые были проведены в её ходе, стало известно относительно недавно [9]. В числе обсуждавшихся вопросов были затронуты и проблемы, связанные с ситуацией в Синьцзяне.

В своём отчёте о поездке Микоян отметил следующее: «У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству, и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси (высокопоставленный гоминьдановский деятель – В. Б.) в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолётами советского производства. Я ему чётко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая» [10]. А в телеграмме Сталину от 4 февраля 1949 года Микоян сообщил, что он передал Мао Цзэдуну рекомендации советского руководства относительно национальной политики будущего правительства Китая. Он, в частности, писал: «Я передал Мао Цзэдуну, что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путём предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в

связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, но не независимость.

Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу было видно, что он не собирается давать независимость кому бы то ни было» [11].

После выяснения принципиальных позиций сторон относительно будущей судьбы Синьцзяна стало значительно легче определяться с тактическими действиями, направленными на его освобождение от контроля со стороны гоминьдановского правительства.

В июле 1949 года в Москву прибыла делегация во главе с членом политбюро ЦК КПК Лю Шаоци. В ходе переговоров сторон, которые касались государственного строительства в Китае, советские руководители подняли вопрос о Синьцзяне. Члены китайской делегации были ознакомлены с положением дел в этой провинции, после чего перед ними был поставлен вопрос о форсировании боевых операций НОАК, направленных на освобождение провинции. Необходимость энергичных действий в этом направлении определялась, по мнению советской стороны, опасностью того, что «... по мере освобождения Компартией Китая территории всей страны американцы попытаются побудить известную пятёрку генералов из клана Ма, действующую в Северо-Западном Китае, отвести свои войска в Синьцзян и создать там «исламское государство», противопоставив его Китайской народной республике и Компартии Китая» [12].

Все вышеизложенные сюжеты, связанные с переговорами между руководством СССР и КПК, свидетельствуют, между прочим, о том, что Советский Союз не только не претендовал на Синьцзян, как то пытаются доказать многие западные исследователи, но как раз, наоборот, защищал в этом плане национальные интересы Китая, содействуя стремлению его лидеров сохранить территориальную целостность страны.

В результате Московских переговоров между делегацией КПК и представителями правительства СССР было принято решение немедленно отправить в Синьцзян представителя КПК для связи с национально-освободительным движением и прогрессивными силами, действующими в провинции. Группу китайских коммунистов, выехавшую 9 августа в Синьцзян прямо из Москвы, возглавил член делегации ЦК КПК на переговорах Дэн Лицюнь. В группу вошли также три помощника Дэн Лицюня и радист с рацией [13].

15 августа 1949 года группа прибыла в Кульджу, после чего, установив радиосвязь с Пекином, Москвой и штабом первой полевой армии НОАК под командованием Пэн Дэхуая, приступила к переговорам с лидерами национально-освободительного движения. В ходе этих переговоров удалось согласовать не только вопросы взаимодействия национально-освободительного движения с КПК и национальной армии трёх округов с частями НОАК при освобождении Синьцзяна от гоминьдановских войск, но и решить вопрос о комплектовании делегации для поездки на 1-ю пленарную сессию Народного Политического Консультативного Совета Китая. Эта сессия должна была начать свою работу в сентябре 1949 года.

Делегация представляла интересы всей провинции, поэтому в её состав помимо Ахметжана Касими, являвшегося руководителем делегации, генерала Исхакбека, Абдукарима Аббасова, генерала Далельхана, был включён представитель от урумчинского округа, ответственный секретарь Общества советско-китайской дружбы, китаец Ло Чжи. Получив официальное приглашение за подписью Мао Цзэдуна прибыть на сессию, делегация 22 августа вылетела из Кульджи в Пекин, на специально выделенном для этой цели советским правительством самолёте. Однако 27 августа в районе г. Иркутска самолёт, на котором летела делегация, по невыясненной до сих пор причине потерпел аварию, и, к огромному несчастью всего населения Синьцзяна, все, кто находился на его борту, погибли. Несколько позже, в связи с трагической гибелью первой делегации, была сформирована новая делегация во главе с Сайфутдином Азизовым, которая и приняла участие в работе сессии НПКК.

Между тем события в Синьцзяне продолжали стремительно развиваться. Дэн Лицюнь, после согласования основных вопросов с руководством освобождённых округов, переехал в Урумчи.

Прибыв в столицу округа, связной был не только благожелательно принят председателем провинциального правительства Бурханом Шахиди, но, более того, был поселен в доме самого Бурхана и отсюда же осуществлял радиосвязь с Пекином, войсками НОАК и Москвой.

Следует заметить, что деятельность Бурхана на посту председателя правительства провинции мало у кого оставляла сомнения в его симпатиях и антипатиях. В докладах Генконсульства СССР в Урумчи совершенно однозначно сообщалось, что «Бурхан ориентируется в своей политике на СССР...» [14]. Уже вскоре после прихода Бурхана на свою должность напряжение в отношениях между Советским Союзом и Синьцзяном начало спадать. В связи с этим министерство внутренних дел СССР посчитало даже возможным обратиться к Зам. Предсовмина Берии с предложением отозвать из Синьцзяна подразделения погранвойск, несущих там охрану предприятий треста № 5 Министерства цветной металлургии, и заменить их военизированной охраной, действующей в структуре самого министерства. Правда, против этого предложения с резкими возражениями выступило само Министерство цветной металлургии [15].

Советские дипломаты отмечали, что несколько спадает напряжение в отношениях между правительственными силами и освобождёнными округами. В аналитической записке, направленной Вышинскому, сообщалось, что хотя «нажим китайцев на мусульманское население не ослабевает, однако, положение не таково, что бы могло произойти вооружённое столкновение между китайцами и мусульманами» [16]. Сам Бурхан Шахиди пишет в воспоминаниях, что уже сразу после своего утверждения в должности председателя провинциального правительства, вернувшись в феврале 1949 года из Ланьчжоу, он запланировал «мирную смену власти в провинции и объединение с коммунистами» [17].

Отношение советской стороны к устранению Масуда и назначению на его место Бурхана Шахиди, в известной степени, характеризует то, что именно в это время в правительство провинции поступил ответ на предложения о восстановлении экономического сотрудничества СССР с Синьцзяном, выдвинутые ещё Чжан Чжичжуном 4 ноября 1946 года. В ответе, врученном генеральным консулом СССР в Урумчи представителю Министерства иностранных дел в Синьцзяне 24 января 1949 года, советская сторона выражала готовность начать переговоры по восстановлению торгово-экономического сотрудничества [18]. Бурхан Шахиди, обсудив предложение СССР с Чжан Чжичжуном, поручил заинтересованным ведомствам в своём правительстве разработать проект постановления о сотрудничестве в области торговли, культуры и здравоохранения. 15 июля 1949 года такой проект был готов.

В своём проекте, состоявшем из 8 пунктов, китайская сторона предлагала заключить равноправное соглашение сроком на 3 года. Пункты соглашения оговаривали условия создания и местонахождения торговых представительств, упрощения пограничных формальностей, лицензирования товаров и пр. [19]. Однако проект, выдвинутый советской стороной, был не только более радикален по содержанию, но и явно ущемлял интересы Синьцзяна. Договор предлагалось заключить сразу на 50 лет, оговаривались более чем льготные условия разведки, добычи и вывоза на территорию СССР полезных ископаемых и т. д. В силу откровенного несовпадения мнений относительно условий оговариваемого соглашения, а также по причине резких изменений во внутривластной обстановке в Китае в целом и в Синьцзяне в частности, соглашение так и не было подписано до падения гоминьдановского правительства и создания Китайской Народной республики [20].

Ко второй половине 1949 года многие факты внутривластной жизни провинции начали свидетельствовать, что не только Бурхан, но и большая часть руководства провинции, в том числе и военного, была склонна порвать отношения с правительством Чан Кайши и начать сотрудничество с КПК. Этих настроений почти не скрывали генеральный секретарь провинциального правительства Лю Минчунь, мэр Урумчи Цюй У и ряд других [21]. Особенно это стало проявляться после того, как во второй половине августа первая армия НОАК заняла г. Ланьчжоу, уничтожив войсковую группировку генерала Ма Буфана. Когда же вскоре после захвата Ланьчжоу первый корпус этой армии под командованием Ван Чжэня вошёл в Цинхай и

стало ясно, что опасность вторжения в Синьцзян войск генералов Ма окончательно ликвидирована, антигоминьдановские настроения в правительстве провинции ещё более усилились.

Тем не менее, до второй половины сентября Синьцзян формально оставался под контролем Нанкинского правительства. Войска НОАК находились за тысячи километров труднопреодолимого пространства от Урумчи, а возможностей национальных частей освобождённых районов было явно недостаточно для того, чтобы разгромить подразделения гоминьдановских армий в Синьцзяне. Довольно серьёзную силу по-прежнему представляли антикоммунистически настроенные деятели в провинциальном правительстве и командовании гоминьдановских войск, численность которых составляла около 100 тысяч человек. В этих условиях был только один приемлемый вариант решения проблемы: поиски сотрудничества с теми силами в лагере гоминьдановцев, которые готовы были во избежание кровопролития и гражданской междоусобицы идти на контакт с представителями КПК и, если не переходить на сторону новой власти, то, по крайней мере, не оказывать ей сопротивления.

По воспоминаниям Дэн Лицуня, определённой проблемой в поисках таких контактов и возможного компромисса с гоминьдановцами стала несогласованность позиций советских дипломатов, работавших в консульствах Урумчи и Кульджи. Если в консульстве Урумчи считали вполне возможным заплатить гоминьдановским генералам и дать им возможность покинуть территорию провинции при условии, что они передадут всю военную власть генералу Тао Чжиюе, то сотрудники консульства в Кульдже были против такого варианта решения проблемы. Здесь считали, что сбежавшие генералы так же, как в своё время белогвардейцы, покинувшие Россию, обязательно возобновят борьбу против демократического правительства Китая в будущем [22]. Тем не менее в конце концов победила точка зрения дипломатов Генконсульства СССР в Урумчи, и разработанный план получил одобрение советского руководства.

В результате проведённой работы ко второй половине сентября стало ясно, что абсолютное большинство противников новой власти в Китае не предпримут сколь-нибудь активных действий для подавления открытого выступления тех сил, которые эту власть в Синьцзяне поддержат. В сложившихся условиях 25 сентября 1949 года генерал Тао Чжиюе объявил, что он сам и подчиняющиеся ему войска порывают с правительством Чан Кайши и переходят на сторону новой власти во главе с КПК. 26 сентября аналогичное заявление от имени правительства Синьцзяна сделал Бурхан Шахиди. На следующий день Тао Чжиюе и Бурхан Шахиди получили поздравительные телеграммы от Мао Цзэдуна и Чжу Дэ.

Таким образом, в Синьцзяне произошёл мирный переворот, в результате которого под контроль новой власти перешла самая крупная в территориальном отношении провинция Китая. Через несколько дней после этих событий ЦК КПК обратился к Советскому руководству с просьбой об оказании помощи в переброске частей НОАК из Цинхая в Синьцзян. СССР удовлетворил эту просьбу. В районы дислокации частей НОАК были отправлены советские транспортные самолёты, которые перебросили эти части в уже освобождённую провинцию. На территории провинции этим частям были переданы советские автомобили, горючее и оружие из арсеналов, расположенных в освобождённых округах [23]. 20 октября бронетанковый полк НОАК вошёл в Урумчи, а через несколько дней уже все крупные города и стратегические пункты провинции были взяты под контроль армии.

17 декабря 1949 года было сформировано новое правительство Синьцзяна, которое вновь возглавил Бурхан Шахиди, и образован Синьцзянский военный округ. Власть нового правительства распространилась на весь Синьцзян, в связи с чем три освобождённых округа прекратили своё существование как отдельный административный район с автономным народно-хозяйственным комплексом. Национальная армия была преобразована в 5-й корпус Народно-освободительной армии Китая. В жизни Синьцзяна начался новый этап.

Таким образом, события 1948-1949 годов в Синьцзяне, завершившиеся «мирным переворотом» и переходом провинции, как и всей страны, под руководство новой власти, ещё раз

подтверждают то, что политика Советского Союза в отношении этого региона отнюдь не преследовала цели его захвата или создания на его территории самостоятельного государственного образования.

Нет сомнений в том, что действия советского руководства в отношении Синьцзяна были направлены на защиту государственных интересов своей страны, на получение максимальных экономических и политических выгод от сотрудничества с этой провинцией. Вполне очевидно и то, что при этом подобные действия довольно часто не соответствовали нормам международного права. Но даже в эти периоды Советский Союз в своих отношениях с Китаем, вне зависимости от того, какие политические силы стояли у руководства этой страной, не ставил себе в качестве цели нарушение его территориальной целостности. Ярким свидетельством этого и является позиция, которой придерживалось советское правительство в отношении Синьцзяна в период 1948-1949 годов.

Библиографический список

1. White Book. United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944-1949. Based on the Files of the Department of State. Washington. 1949. P 288.
2. Второй съезд китайских Советов. М., 1935. С. 145.
3. Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: Теория и практика. Алматы, 1998. С. 18; Его же. Регламентация межэтнических отношений в КНР: Теория и практика. Автореф. дис. ... Алматы, 1995.
4. Великодержавная политика Маоистов в национальных районах КНР. М., 1975. С. 8.
5. Цесар Я. К характеристике национальной политики в Китае до 1949 года (некоторые вопросы теории и практики) // Вторая научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время: Тезисы докладов. М., 1977. С. 96.
6. Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана (1927-1937). М., 1985.
7. Лю Да-Нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953. С. 277-278.
8. Советско-китайские отношения 1917-1957 гг. М., 1959. С. 209.
9. См.: Ледовский А. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь – февраль 1949 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2-3.
10. Там же. С. 103.
11. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений: В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 144-145.
12. Там же. С. 145-146.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 18. Д. 73. Л. 52.
14. Там же. Ф. Р-9401 («Особая папка» Л.П. Берии). Оп. 2. Д. 210. Л. 204-205.
15. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд секретариата Вышинского А.Я. Оп. 21. П. 22. Д. 314. Л. 10.
16. Шахиди Бурхан. Си Чжан ву Ши Ниан. Пекин. 1984. (50 лет Синьцзяна. Пекин, 1984. С. 349.).
17. Chang Li. The Soviet Grip on Sinkiang //Foreign Affairs an American Quarterly Review. Vol. XXXII, № 3. April 1954. P. 503.
18. Шен Ли. Си Чжан юй Э Су Мао и Ши 1600-1900. Урумчи, 1994. (История торговых отношений Синьцзяна с Россией в 1600-1900 годах. Урумчи, 1994. С. 547-548.).
19. Chang Li. Op. cit. P. 503.
20. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 73. Л. 52.
21. Галенович Ю.М. Указ. соч. С. 150.
22. Там же. С. 152.
23. Гаипов З. В борьбе за свободу. М., 1974. С. 118.